

«Честь для меня не пустой звук»

Любовь ЗАВАДСКАЯ

Фото предоставил В. НЕКРАСОВ

Проект «Они пережили 90-е» продолжается. Сегодня наш герой — Валерий Ефимович Некрасов, он знаком читателям «Вечерки» по литературной странице как член Союза российских писателей. Как складывалась судьба Валерия Ефимовича в 90-е и какие трудности ему пришлось преодолеть, узнаем прямо сейчас.

— Валерий Ефимович, чем вы занимались до 90-х годов?

— Я обычный советский человек. Был пятым ребенком в большой семье, где все парни. Мы последние двое — близнецы. Папа — фронтовик, мама на десять лет его моложе. Отец был ранен под Москвой. Наш дядя Пантелей дошел до Берлина.

Я учился в железнодорожной школе. Однажды в ледоход на пожарном озере спас старшеклассника. Дважды поступал в Суворовское училище, но по разным причинам попасть туда не удалось. С детства мечтал стать военным (и стал!), врачом и журналистом. В 13 лет я прочитал всю иностранную литературу в доме и библиотеке, это значительно расширило мой словарный запас. Моржевал в молодости четыре года. После восьми классов поступил в речное училище в Великом Устюге. Окончил его успешно в 1968 году по специальности «Водные пути сообщений» и стал техником. Распределение у нас было союзное, я попал в котласский техникум. После этого нача-

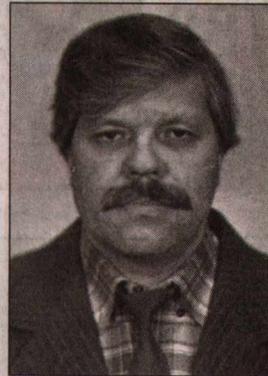
лась суровая служба в рядах Советской армии. Служил на Украине, в Казахстане и (повезло!) Кирове — без малого десять лет, от рядового до капитана. Последние пять лет служил в военкомате на должности заместителя начальника отдела по призыву. В мою компетенцию входили отбор команд на областной призывной пункт, комплектование режимных команд, анкетирование спецконтингента, подбор кадров в различные военные училища, правительственную связь и специальную связь. Но потом ушел из армии, скажем так, по здоровью.

— Чем занялись после этого?

— В 1989 году ушел в бизнес. Был начальником отдела маркетинга в крупной строительной частной компании. Так как хорошо знал северный регион, учредители предложили мне организовать здесь филиал. И я в 1989–90 годах был представителем российской товарно-сырьевой биржи, которую создали Ирина Хакамада и Константин Боровой, — брокерской конторы № 101. Специализация тогда была в основном по строительным материалам, бумажной продукции и цементу. Я создал здесь три частных конторы: давал деньги (стартовый капитал) и ставил во главе руководителя. В бизнесе главное — пройти испытание деньгами.

— В то время в стране был финансовый кризис...

— Денег ни у кого не было, все жили на пенсии родителей. Деньги были только у банкиров и у тех, кто немало укрепился в част-

На этом фото Валерию Некрасову 30 лет.

ном бизнесе. Мне было проще и легче, потому что я много лет отработал в снабжении и имел личные связи. Мне здорово помогали. Я в те времена мог достать даже варенье из лепестков роз! Деньги не пропивал и не прогуливал.

— А откуда у вас появились стартовый капитал?

— Все очень просто. Под мое честное имя мне дали два вагона элитной фанеры со Слободского комбината, который работал на экспорт. И я вложил определенную сумму в Котласский ЦБК (тогда можно было вкладывать в фонд развития производства) и в Савинский цементный завод. То есть я был не как посредник, а замыкал сделку: и на покупке, и на продаже. Также у меня люди работали по договорам. Они имели неплохой базовый оклад и даже проценты. Мотивация была стопроцентная. Люди в пять утра спрашивали: «Что делать и куда ехать?».

Я трудился в то время, можно сказать, по западным стандартам. Уже было название «офис», а также визитки, реклама. И условия для людей были созданы неплохие. У меня в съемной квартире работал повар, и я кормил сотрудников обедами, давал кредиты беспроцентные и безвозвратные. И людям помогал подняться в бизнесе, тоже давал небольшие кредиты. Все сделки были ваучерными.

Впрочем, не все шло гладко. В начале пути у меня пропало два вагона растительного масла, которое я отправлял в Ярославль для изготовления лакокрасок. А еще у меня украли вагон комбикормов.

— Получали ли вы какое-то специальное образование?

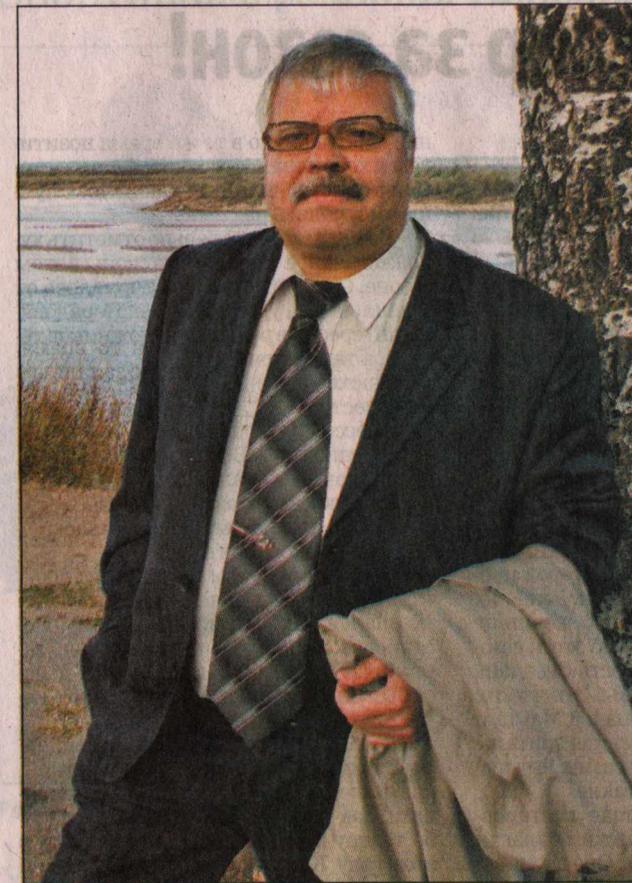
— В 1991-м окончил школу бизнеса. Были очень хорошие учителя — они уже давали основы компьютерной грамотности.

— Где-то еще успели потрудиться?

— Да, я работал на москвичей — это бывшие военные, которые ушли со службы после распада Варшавского договора. Я на них работал по Котласскому ЦБК — по доставке бумажной продукции.

— А как вы закрепились на ЦБК?

— Я продал их продукцию за 10 номиналов. И коммерческий директор увидел, что я не подвел и не обманул, а просто в особых условиях договора написал: «300 тысяч рублей оставить на брокерском счете на покупку оборудования, материалов и спецтехники для Котласского

Снимок размещен в одной из авторских книг поэта.

го ЦБК». Я туда поставлял ангары, трубы, ГСМ. И лесникам кировским (тогда же были взаимозачеты) вернул 3,5 миллиарда рублей по тем временам. Рассчитывались цементом, оберточной и офсетной бумагой.

— В 90-е вы были заняты только работой? Можете быть, у вас появились новые увлечения?

— В 1995 году объемы были очень большие. Увеличились не в разы, а в десятки раз. Суммы были огромные. И я интуитивно начал заниматься психологией. И вот уже более 15 лет ею занимаюсь. Составляю психоматрицы, психологические портреты, делаю психоанализ. Это очень разгружает голову.

— Многие в 90-е спивались. Как вы выдержали этот алкогольный бум?

— Как только в 1990-м стал заниматься серьезным

бизнесом в Северо-Западном регионе, то прекратил принимать алкоголь. И почти за 30 лет я не выпил ни грамма спиртного. Я всегда отвечаю за свои слова. Мне обидно, что в Котласе мужики умирают от пьянства в 42 года. Я никогда принципиально не занимался ни водкой, ни табаком, хотя на этом можно было хорошо заработать.

— Что помогло вам в 90-е?

— Мне везло на хороших людей. И всегда помогала ответственность. Я дорожил своим именем и сейчас дорожу.

— Сегодня вы чем занимаетесь?

— Уже 16 лет я представляю интересы холдинга, который на рынке России и постсоветского пространства занимает пятое-седьмое место. Его специализация —

энергосберегающее оборудование и технологии.

— Есть ли в вашем бизнесе конкуренция?

— Конкурентов я всегда называю партнерами.

— А были ли у вас случаи рэкета в 90-е?

— Да, были наезды со стороны бандитских формирований по Котласу и Коряжме. Но у меня оказалось очень хорошее прикрытие — военные ребята.

— Как складывалась ваша личная жизнь?

— Я официально женат три раза. У меня трое детей. Старший сын работает в службе логистики Шереметьево-2, ему 45 лет. Среднему сыну было бы 42 года, но в 38 лет я его похоронил, остались две внучки. Дочери 27 лет, она врач ортопед-травматолог и хирург, работает в Кирове в федеральном центре. Внучка Полина — в Москве: поет и пляшет, ездит на международные соревнования. И еще две девочки: одна — в третьем классе, другая — в седьмом. То есть наша мужская некрасовская линия на мне прерывается.

— Литературным творчеством когда стали заниматься?

— Первое стихотворение написал в десять лет, оно было про Ленина, его даже разместили в газете. И потом я лет до девятнадцати баловался. Знали об этом только мои близкие и учительница литературы. Затем немножко писал в армии. Потом перестал. И только в 50 лет я переосмыслил жизнь, перечитал третий раз свою личную библиотеку и написал первую книгу. И потом каждый год выдавал по книжке. Вторую вообще написал за три недели (в день — по семь стихотворений), но такое бывает раз в жизни. Сейчас к осени выпускаю восьмую книгу — «Приют странника» (это рабочее название). В Союзе писателей я с 2005 года. Помогите войти туда нашим девочкам — Ирине Истоминой и Марине Вяткиной.

— Какие-то еще хобби у вас есть?

— Раньше я бегал, имел

второй взрослый разряд. Немножко занимался боксом. Даже танцевал. Хотелся спеть, но это мечта...

— Вы наверняка занимались благотворительностью...

— Да, причем по западным стандартам. Я перечислял деньги на расчетный счет крупным конторам. Или же, например, приюту покупал мебель и посуду, девочкам-выпускницам — платье и сумочку. Театру я в свое время давал деньги на целые спектакли. Автопредприятиям выделял по сто тысяч. Россельхозбанку помог — 100 тысяч передал на кирпич. Всегда помогал «Гамме», офицерам...

— Что вы думаете о 90-х в целом?

— Думаю, что приватизация была неправильной. Приватизировать нужно было вспомогательное производство, мелкие конторы, бытовки. Но никак не военное производство, космос, связь и железную дорогу. Этого нельзя было делать! Я не жалею, что все поставил на этот регион. Он меня спас. И кормит до сих пор. Если не было бы моста, Котлас давно зачах бы. Это был рабочий город, который знали во всем Союзе. А сейчас крупного производства нет.

Нашему поколению было легче — после окончания институтов и техникумов выпускников распределяли. Если была голова на плечах, могли получить квартиру. А сейчас молодым сложнее. Некоторые кичатся купленными дипломами, но работы у них нет, заработка тоже, квартиру не купить. И эти люди рвутся в большие города, как будто их там кто-то ждет. Обидно за это поколение.

— Можете ли вы назвать себя человеком своей эпохи?

— Думаю, что нет. Я человек XIX века. Я родился поздно, надо было раньше, когда ум, совесть и честь что-то значили. Когда за обиду женщины офицеры стрелялись на дуэли. Когда все это было не пустым звуком...